

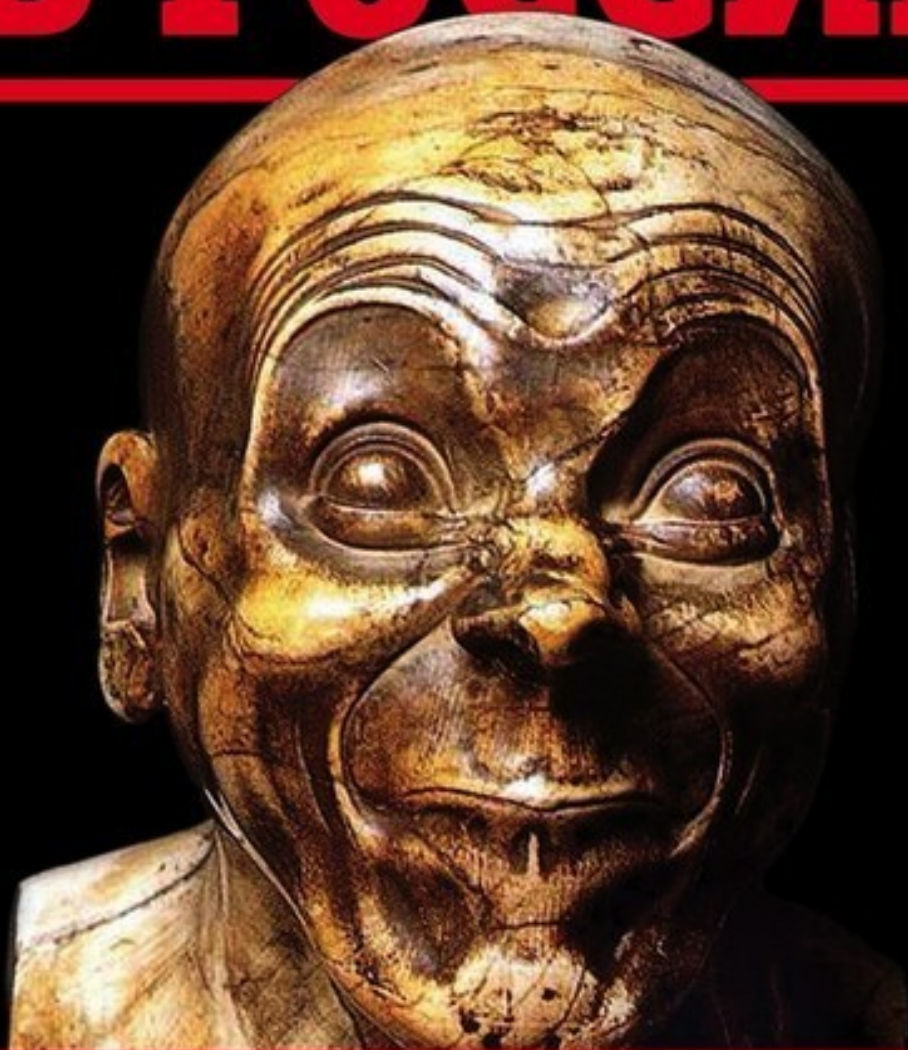

ЛЕВИАФАН

ЭРИК ФОРД

**НАРОД И ВЛАСТЬ
В РОССИИ**

ОТ РЮРИКА ДО ПУТИНА

Левиафан

Эрик Форд

**Народ и власть в России.
От Рюрика до Путина**

«Алгоритм»

2017

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Форд Э.

Народ и власть в России. От Рюрика до Путина /
Э. Форд — «Алгоритм», 2017 — (Левиафан)

ISBN 978-5-906914-64-4

Эрик Форд – известный публицист, пишущий о русской политике и истории. В первых главах своей книги он дает исторический обзор, в котором перед читателем предстанут такие государственные деятели, как Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Николай I, Николай II, Ленин, Сталин и другие. Автор показывает, как жил при них народ и как относился к этим правителям. От исторического обзора он переходит к современности и разбирает путинский период правления. Принцип анализа, который избирает Э. Форд, тот же: что власть при Путине дала народу в политическом, экономическом, социальном планах; в чем причина поддержки или неприятия путинского режима определенными слоями населения.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-906914-64-4

© Форд Э., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Предисловие	6
От Рюрика до Александра Невского	8
Московское царство	17
Иван Грозный	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эрик Форд
Народ и власть в России.
От Рюрика до Путина

© Форд Э., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Чем является человек для государства – целью или средством? Пожалуй, это главный вопрос, определяющий особенности той или иной страны. Арнольд Тойнби писал в свое время («Война и цивилизация»), имея в виду «универсальное», иначе говоря, тоталитарное государство:

«Существует факт веры в бессмертие универсальных государств, веры, которая переживает века и тысячелетия, когда на то нет, казалось бы, никаких оснований. Каковы причины этого феномена, столь странного на первый взгляд?

Одна из явных причин заключена в силе личного обаяния, производимого основателями универсальных государств и их последователями. Причем, как правило, эти впечатления передаются последующим поколениям с сильными преувеличениями, превращаясь в легенду.

Другая причина устойчивости веры в бессмертие универсальных государств – впечатляющая грандиозность самого учреждения. Эта грандиозность вырастает из смутного времени и символизирует оживление распадающегося общества, поэтому она и завоевывает сердца людей.

Третья причина – тоталитарность, всеобъемлющий характер универсального государства. В политическом плане универсальное государство – высшее выражение чувства единства, которое является психологическим продуктом процесса социального распада. Универсальное государство устанавливается основоположниками и воспринимается подданными как панацея от бед смутного времени».

Для России это характерно в наибольшей степени. Ее история состоит из постоянно повторяющихся периодов «смутного времени», единственным спасением от которого казалось тоталитарное государство. Оно воспринималось как панацея от всех бед, во имя него русские готовы были терпеть любые лишения, идти на самопожертвование. Государство очень быстро осознало это и начало использовать такие черты национального характера в своих интересах. Известное высказывание Сталина о том, что люди – всего лишь винтики в государственном механизме, точно отражало реалии русского мира. В то время как на Западе шла непрерывная и успешная борьба за благополучие каждого конкретного человека, в России высшей целью существования считалось укрепление государственной машины. В результате, как отмечают многие исследователи, государство своими политическими амбициями и военными потребностями деформирует естественное развитие экономики и общества. Известный историк Василий Ключевский писал, что на протяжении русской истории «внешнее территориальное расширение государства идет в обратно пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа».

Одним из способов доказать необходимость тоталитарного государства и, соответственно, ограничения свободы народа было постоянное напоминание о внешних угрозах. Пожалуй, нигде в мире не говорили так много о враждебном окружении страны, как в России. Со времен Московского царства и до нашего времени здесь вновь и вновь реанимируется тезис о «чужих» и «хищниках», готовых растерзать страну и уничтожить ее. Каждое вражеское нашествие служит дополнительным подкреплением этого тезиса, каждое внутреннее потрясение объясняется влиянием враждебных России сил. Между тем беспристрастный анализ хода мировой истории показывает, что Россия вовсе не была исключением из общего правила. Как отмечал все тот же Тойнби, любое государство в своем развитии вынуждено было постоянно отвечать на вызовы и угрозы внешнего мира, а также решать неизбежные внутренние проблемы.

В книге, которую вы собираетесь прочитать, сделана попытка объективно разобраться, кто были истинные «чужие» и «хищники», терзающие Россию, и были ли оправданы ограничение свободы народа и забвение прав личности борьбой за выживание страны. В конечном счете именно в этом заключается ответ на вопрос, чем является человек для государства – целью или средством.

Для написания книги использовались в основном труды российских исследователей, чтобы не возникло подозрение в ее «западном заказе» – утверждение, столь популярное ныне в России. Что касается самого автора, он всегда считал и будет считать русский народ одним из величайших на земле; народ, подаривший миру Толстого, Чехова, Чайковского, Рахманинова, Репина, Серова и десятки других светочей мировой культуры, не может не быть великим.

От Рюрика до Александра Невского

Ядовитый парадокс истории заключается в том, что русские начинали свою историю как раз в качестве «хищников» и «чужих». Предки русских – славяне – появились на юго-восточных окраинах Европы довольно поздно, в V–VI веках после Р.Х., и сразу начали хищнические набеги на земли Византийской империи. Славяне стали сущим проклятием Византии, – разорения, которые они наносили ей, сопоставимы с разорением Западной Римской империи германцами и гуннами.

Когда образовалась Киевская Русь, ее князья продолжали совершать походы на византийские земли, то есть грабить, насиловать, убивать местных жителей, и эта традиция сохранялась до XI века, потому что даже после принятия христианства русские продолжали вторгаться в причерноморские области, принадлежащие Византии. Удивительно, что эти кровавые и жестокие набеги подаются в русских учебниках истории как славная страница прошлого России, а князь Святослав, всю жизнь проведенный в завоевательных походах, является положительным героем.

Следует отметить также, что территория, на которой поселились русские, им не принадлежала: до них тут жили финно-угорские племена, бесцеремонно оттесненные или ассимилированные пришельцами. Большинство топонимов на географической карте центральной России имеют финское происхождение, даже название русской столицы – Москва – финское.

Впрочем, русским тоже приходилось страдать от «хищников»: находясь у границ Великой степи, тянувшейся на тысячи миль до самого Китая, они постоянно подвергались нашествиям азиатских кочевников; был период, когда русские земли были покорены Хазарским каганатом и входили в его состав.

«Нашествие чужих» проявлялось и в походах викингов (русские называли их «варягами») – они быстро взяли под свой контроль важнейший торговый путь от Балтийского до Черного моря, проходивший через Русь. Закончилось все тем, что викинги полностью подчинили себе русские земли, основали здесь свою династию и создали государство. Эта династия, ведущая свое начало от полуполюгендарного Рюрика, правила Россией на протяжении более семи веков. Примечательно, что в русском языке слово «русские» – прилагательное, а не существительное, в то время, как обозначения других национальностей – существительные. Видимо, это отражает восприятие древними русскими себя как принадлежащими викингам, одно из имен которых было «роусь» или «русь», что дало название всему государству и его жителям. Таким образом, слово «русские» отвечает на вопрос «вы чьи?», а не «вы кто?»

В этом заключен особый смысл русской ментальности. Как писал знаменитый философ Николай Бердяев, в русских заложен некий «соблазн покорности», – по словам Бердяева, «вечно бабье в русской душе». В статье с аналогичным названием он пишет:

«Русские отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри... Великая беда русской души – в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем».

«В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варягов-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет», – продолжает Бердяев. – Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ не хочет

быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа».

Для русских, однако, крайне обидно, что их государство создано «чужими», поэтому в российской историографии можно проследить постоянные попытки объявить Рюрика славянином, однако в этом, как ни странно, виноваты и немецкие историки. В XVIII–XIX веках они разработали так называемую «норманнскую теорию», которая утверждала полное превосходство немцев над русскими, – в том числе из-за того, что русские якобы не способны были даже создать государство без помощи викингов-норманнов.

«Норманнская теория» всегда служила оправданием экспансионистских германских планов в отношении России, так что русским волей-неволей приходилось ее опровергать, прибегая даже к таким сомнительным с точки зрения исторической правды аргументам, что Рюрик был не норманном, а славянином. Впрочем, дело не только в этом: поздно появившиеся на подмостках сцены мировой истории, вынужденные жить на окраине европейской цивилизации, а затем надолго отрезанные от нее и задержавшиеся в своем развитии русские чрезвычайно болезненно относятся ко всему, что хоть как-то умаляет их страну и нацию. То, к чему французы, например, отнеслись бы с юмором и посмеялись, поскольку непоколебимо уверены, что Франция – лучшая страна в мире, а французский народ – наилучший из всех народов, и поколебать эту уверенность не может ничто, – русские воспринимают как оскорбление. Для того чтобы преодолеть эту подростковую обидчивость и обрести уверенность, русским надо перестать чувствовать себя ущемленными, но как раз этого не хочет русская власть. Ведь если русские действительно станут свободными, ей придется измениться или уйти.

* * *

Подлинное вторжение «чужих» русские испытали в начале XIII века, когда (в 1237 году) на Русь обрушились монгольские орды. За три года хан Батый, внук Чингисхана, покорил почти все русские земли, и более чем на двести лет Русь оказалась под монгольским игом.

Российский исследователь Борис Кагарлицкий в своей книге «Периферийная империя» так описывает монгольское вторжение на Русь:

«Жестокость монгольского нашествия была поразительной даже по средневековым понятиям... Население подвергалось немыслимым насилиям, зачастую просто поголовно истреблялось. Истребление людей было планомерным и хорошо продуманным, причем происходило это не только в городах, но и в сельской местности. «После того, как крестьяне закончили для них уборку урожая, они всех убивали, точно так же, как они убивали (первоначально изнасиловав) всех женщин в землях, откуда они уходили; после чего переходили разорять другие земли», [отмечает средневековый летописец].

...Русь, впрочем, не послужила «заслоном» на пути монгольских орд из Азии в Европу. Пройдя Русь, полчища Батыя вошли на территорию западных стран вполне боеспособными. Разгромив Польшу и Венгрию, победив немецких рыцарей в Силезии и разграбив Чехию, монголы даже планировали двигаться дальше в Италию и Францию, где их ожидала богатая добыча. «Фактически войска Батыя победили европейских рыцарей во всех сражениях, – отмечают западные историки. – Не усталость татар или географические факторы спасли Европу, а внезапная смерть Великого хана Угедея, из-за которой разразился кризис наследования в Монгольской империи».

После нашествия Батыя монголы стали назначать правителя Руси («великого князя»), кроме того, она платила им тяжелую дань. Ричард Пайпс пишет («Собственность и свобода»):

«Взятие на себя русскими князьями ответственности за поддержание порядка и сбор дани от имени монголов имело различные последствия для политического будущего страны, причем все они были неблагоприятны для самоуправления. Во-первых, эти крайне непопулярные действия внесли отчуждение между князьями и их народом, создали ставшую постоянным фактом русской истории пропасть между правителями и управляемыми. Во-вторых, это поощрило князей на использование автократических методов. До монгольского завоевания русские княжества управлялись князьями в совете с вече, аналогом англосаксонского фолькмота. Немецкие купцы, посещавшие Новгород в средние века, поражались сходству вече с учреждением, которое они знали у себя в Германии под названием *gheteine ding* или «общее дело», причем «дело» (*ding*) понималось в старинном значении «собрание». В домонгольское время вече были во всех русских городах, притом самые сильные среди них часто изгоняли князей, проигравших битву или как-либо иначе им не угодивших. Поэтому не без оснований можно предполагать, что при естественном ходе событий русские города, подобно западным, стали бы центрами самоуправления и гарантами гражданских прав для своих жителей.

Монголы предотвратили такое развитие. У них не было никакой нужды в вече, которое было опорой сопротивления их требованиям. Русские князья, обязанные собирать дань для монголов, также не имели причин благосклонно относиться к собраниям, которые мешали им выполнять свой долг перед монгольскими властителями. В результате во второй половине XIII века эти собрания остались без употребления. Исключение составил север, особенно Псков и Новгород, в других же местах вече исчезли, оставив князей единственными носителями власти. Там, где князья сталкивались с неповиновением своих подданных, они обращались за помощью к хозяевам-монголам. Князь Александр Невский, которого Сарай назначил великим князем во Владимир (1252–1263) и который позднее был канонизирован русской церковью, отличился жестоким подавлением народного сопротивления монгольским поборам. То же можно сказать и о московском князе Иване I Калите.

Таким образом, в условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями. Монгольский способ управления Россией через князей-прислужников привел к устранению демократических институтов и заложил основы будущего самодержавия. Проблема монгольского влияния на русскую историю – выпячиваемая одними и загоняемая далеко в тень другими – может быть решена на основе признания, что монгольскую политическую систему русские не перенимали, потому что созданные завоеваниями и поддерживаемые военной силой институты империи кочевников для занятого сельским хозяйством населения не годились. Но русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом, как с побежденным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав. Такой образ мышления и поведения пережил монгольское иго». [Конец цитаты].

* * *

Парадоксально, но это страшное время, унесшее сотни тысяч, а может, миллионы русских жизней и наложившее неизгладимый отпечаток на русское государство и менталитет русского народа, не вызывает у русских неприязни к Востоку в широком смысле этого слова, – между тем Запад, принесший русским куда меньше бед, всегда воспринимается с подозрением и враждебностью.

Нам могут возразить на это, что Россия слишком многое потеряла во Вторую мировую войну, когда армии Гитлера нанесли колоссальный урон ее населению и хозяйству. Это так, но враждебность к Западу возникла задолго до Второй мировой войны, еще в глубокой древности. Истоки ее можно найти все в том же XIII веке, а связана она с именем упомянутого Пайпсом князя Александра Невского, младшего сына великого князя Ярослава, прославившегося тем, что он первым из всех русских князей поехал к хану Батыю и признал его власть (в 1239 году) – и это тогда, когда Русь еще не была полностью завоевана монголами: Киев они захватили лишь в следующем году. Действуя как типичный коллаборационист, князь Ярослав (а затем и даже в большей степени Александр) убеждал русских, что им необходимо смириться с монгольским игом и приводил доводы, доказывающие чуть ли не полезность монгольской власти для Руси. Главным доводом стала «угроза с Запада», а доказательством шведский и немецкий походы в 1240 и 1242 годах на земли Великого Новгорода (самый крупный из всех русских торговых городов).

Этим походам отводится такое большое место в официальной русской историографии, а князь Александр, отразивший их, сыграл такую большую роль в формировании идеологии российского государства, в том числе делении мира на «своих» и «чужих», что мы должны остановиться на этой теме подробнее.

Вот как описывает причины и основные события шведского и немецкого походов Борис Кагарлицкий («Периферийная империя»):

«Новгородский экспорт того времени представлен прежде всего пушниной, воском. Среди европейской аристократии той эпохи распространяется мода на меховые шубы. В Англии XIV века церковь вынуждена принимать специальные запреты, чтобы монахи не перестали носить меха. Английский король Ричард II потряс воображение современников, заплатив за шубу целых 13 фунтов! Сумма действительно немалая: в то время на эти деньги можно было купить целое стадо – 86 быков.

Некоторое количество меха поступало из Норвегии, но, как отмечают западные авторы, «к концу XI века большая часть мехов приходила в Западную Европу из России, а не из Скандинавии. Датчане и шведы по-прежнему могли получать дань с народов, живших на Балтике, но не могли уже свободно заходить на русскую территорию, как раньше. Русские князья все более эффективно контролировали территорию, а Новгород особенно заботился о том, чтобы держать под контролем Карелию. Купцы, которые хотели получать лучшие меха в больших количествах, должны были ехать за ними на новгородский рынок, который становился для них все важнее».

Именно «почти монопольное господство на меховом рынке», по мнению Покровского, обеспечивало Новгороду его место в новой системе европейской торговли, складывавшейся на Балтике. Однако за это господство надо было бороться. Пограничные конфликты со шведами становятся в XIII веке обычным делом, пока в XIV веке граница не стабилизируется. Война с немецкими рыцарями в Прибалтике идет тоже почти непрерывно, с переменным успехом. Орден меченосцев и сменивший его Ливонский орден превращаются во внушительную военную силу.

Советские историки постоянно подчеркивали оборонительный характер развернувшейся борьбы, доказывая, что благодаря походам новгородцев «Русь не стала добычей немецкого рыцарства». Но правда состоит в том, что хотя порой немцы доходят до Пскова, большая часть сражений происходит на территории, подвластной Ливонскому ордену, куда, в свою очередь, регулярно вторгаются новгородские дружины. Именно в Эстонии были одержаны главные победы новгородцев. В 1234 году князь Ярослав Всеволодович разгромил немцев на реке Эмбах под Дерптом. Знаменитое Ледовое побоище 1242 года, когда Александр Невский наголову разбил немецких рыцарей, состоялось во время возвращения нов-

городцев из набега на территорию Ливонии. Ожесточенная Раковорская битва 1269 года, закончившаяся с неопределенным исходом, состоялась также на эстонской земле...

Конфликт со шведами в Карелии и на берегах Невы развивался по той же логике, что и противостояние с немцами. Впоследствии масштабы и значение Невской битвы были преувеличены русскими летописцами и историками до таких масштабов, что стало возникать сомнение в том, имела ли эта битва вообще место (в шведских хрониках упоминаний о ней мы не находим). В советских исторических книгах неоднократно повторяется утверждение, будто целью шведского войска, высадившегося на берегу Невы, был поход на Новгород, однако ни имеющиеся данные о численности шведского отряда, ни его действия об этом не свидетельствуют.

Описание сражения в «Житии» святого Александра Невского настолько фантастично, что воспринимать его в качестве исторического источника невозможно: шведы названы здесь римлянами (видимо, имеется в виду их принадлежность к римско-католической церкви), а неприятельские войска оказываются в итоге сокрушены архангелами. Новгородская летопись дает более правдоподобную картину, хотя тоже довольно размытую. По мнению историка Александра Нестеренко, это был обыкновенный грабеж: «дружина князя Александра неожиданно напала на лагерь шведских купцов... Если немцы приходили в эти края торговать, проповедовать христианство и просвещать, то русские – грабить и получать дань». Когда же новгородская летопись пишет про большое шведское войско, высадившееся на Неве, он решительно с этим спорит, доказывая (кстати, совершенно справедливо), что столь многочисленной силы там быть не могло.

Судя по всему, небольшой отряд шведов пытался построить в устье Невы укрепленный торговый пост. Новгородцы, поняв, какую это представляет угрозу для их торговли, отправили дружину Александра и согнали шведов с берега. Говоря современным языком, имел место пограничный инцидент на спорной территории (историк Александр Широкопад возмущается тем, что ряд «русофобствующих историков» попытался «свести битву до уровня малой стычки», но сам же признается, что шведов было «меньше, чем предполагали наши патриоты-историки», не более тысячи человек).

Хотя рассказы позднейших русских и советских историков про агрессию шведских феодалов на Русь, отраженную Александром Невским, представляют собой явный плод идеологического творчества, конфликт между Новгородом, Швецией и Ганзой на протяжении большей части XIII века совершенно реален. Причем новгородцы отнюдь не всегда были обороняющейся стороной. Уже в 1187 году они (если верить «Хронике Эрика») разграбили и сожгли шведскую столицу Сиггурну. Из разрушенного города в Новгород привезли врата, украшенные бронзовыми барельефами, которые приделали к входу в храм Святой Софии. Сиггурна была разрушена настолько, что восстанавливать ее не имело смысла. Выжившие жители основали на новом месте новый город – Стокгольм...

Природа конфликта на берегах Балтики была совершенно иной, чем она представляется в патриотическом мифе. Князь Александр вообще может считаться патриотом только по недоразумению: ведь именно он был основным проводником татарского влияния и защитником интересов Золотой Орды в землях русского Севера. В борьбе с немцами и шведами новгородцы отстаивали не свою независимость, а свои торговые интересы (не в последнюю очередь – свое право брать дань с угро-финских племен Прибалтики). Шла борьба за контроль над судоходством и за торговые пошлины.

Окончательные результаты пограничных конфликтов XIII века оказались в целом благоприятны для Новгорода. При этом, как показывают исследования, почти перманентное состояние войны с Ливонским орденом на торговле с немецкой Ганзой «никак не сказывалось». Формально, пока орден воевал с Новгородом, купцы из города Любек – главного торгового партнера и новгородцев, и рыцарей – преспокойно вели дела на территории обеих

враждующих сторон. Собственно, за долю в этой торговле и шла борьба. А прекращение торговли стало бы катастрофой в равной степени для новгородцев и «псов-рыцарей».

Если XIII век является временем почти непрерывной войны с немцами, то XIV и большая часть XV столетия проходят исключительно мирно. Причем партнерские отношения у Новгорода устанавливаются не только с купцами, но и с рыцарями. Тевтонский орден ведет оптовые закупки мехов в Новгороде, одновременно снабжая купеческую республику столь необходимым ей серебром. В известном смысле оптовые сделки с рыцарями были для новгородцев даже выгоднее торговли с немецкими купцами». [Конец цитаты].

* * *

Прибавим к этому, что патриотический миф об Александре Невском был чрезвычайно выгоден правящей российской верхушке, ибо как нельзя лучше служил оправданием любых ее действий. Здесь мне хотелось бы предоставить слово моей московской знакомой Елене. Это стройная и очень энергичная шатенка, типичная представительница московской интеллигенции. Ее дед, обычный инженер, работавший на одном из заводов Москвы, лояльно относился к коммунистической власти, но был арестован и посажен в тюрьму в годы «великой чистки», предпринятой Сталиным. Вся вина несчастного инженера была только в том, что, выйдя как-то подышать воздухом во двор своего дома, он иронически отозвался о предстоящих выборах в советские органы власти: «Выбирай, не выбирай, ничего не изменится. Все без нас решат». Кто-то из соседей донес на него, и он провел десять лет в ГУЛАГе, а затем три года в ссылке. Это была не единственная потеря в семье Елены: двоюродный брат деда, офицер Красной армии, был расстрелян как «французский и румынский шпион»; еще двое троюродных братьев, работавшие в государственных учреждениях, погибли в застенках НКВД, куда попали по обвинению «в заговоре и вредительстве в пользу империалистической Англии».

Убежденная сторонница демократии, Елена иногда кажется мне чересчур категоричной в своих утверждениях, – ей, как многим русским, свойственен максимализм, – но ее мысли глубоки и остроумны, они помогают мне лучше понять Россию. К тому же Елена имеет историческое образование и обладает огромным запасом знаний; у нее мужской, аналитический склад ума, и, несмотря на эмоциональность, она не отступает от логики.

Об Александре Невском, когда у нас зашел разговор о нем, Елена сказала следующее:

– Он мало думал о морали, – известно, что Александр часто воевал против своих родственников, например, за город Псков и другие города. Он не проявил себя хорошим полководцем, но показал большую жестокость. Однако кое-кто из наших историков приписал ему позже великие подвиги: он будто отразил крестовый поход на Россию. Это не подтверждается документами. Римским папой был тогда Григорий IX, и он не выпускал буллу о Крестовом походе на Русь. В той булле, которую он выпустил, содержался призыв переводить в христианскую веру язычников-финнов, которые нападали на христианские поселения на Балтийском море.

Между тем наши историки утверждают, что в булле Григория IX говорилось именно о борьбе с православными, то есть с русскими. Когда там говорится «об обращении язычников в христианство», следует якобы понимать это как призыв обращать православных в католичество. Но римские папы никогда не называли православных «язычниками»: «еретиками» – да, «схизматиками» – да, но язычниками – нет! Это абсурд, ведь православные поклоняются единому Богу и молятся Христу. К этому надо прибавить, что в папской булле есть названия подлежащих покорению языческих финских племен.

«Крестовый поход» на Русь еще потому не мог состояться, что она была разделена на десятки княжеств, и немало русских князей имели союзнические отношения и родственные

связи с европейскими правителями. Если бы римский папа призвал к походу против Руси, это был бы Крестовый поход против всей Европы.

Наконец, не следует забывать, что большинство русских княжеств уже были покорены монголами, и Крестовый поход против русских обернулся бы войной с монгольской Ордой, но Европа находилась тогда не в лучшем положении, потому что сама очень сильно пострадала от монгольского нашествия: земли Польши, Германии, Венгрии, Австрии, Италии и даже отчасти Франции разорили монголы. В этих условиях русские вызывали в Европе сочувствие: Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи, писал тогда о монгольском нашествии и сопротивлении русских: «Время пробудиться от сна, открыть глаза духовные и телесные. Уже секира лежит при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью целому христианству. Уже давно мы слышали о нем, но считали опасность отдаленною, когда между ним и нами находилось столько храбрых народов и князей. Но теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотом христианству против свирепого неприятеля».

...И европейские короли, герцоги, бароны и рыцари действительно погибали в борьбе с монголами, – продолжала Елена. – Магистр рыцарского ордена Храма доносил французскому королю Людовику IX: «Знайте, что татары разорили землю, принадлежащую герцогу Генриху Польскому, и убили его с великим количеством его баронов, а также шестью нашими братьями и пятьюстами нашими воинами. Трое из наших спаслись, и знайте, что все немецкие бароны и духовенство, и все из Венгрии приняли крест, дабы идти против татар». А в это самое время князь Александр принял, по примеру своего отца, власть от монголов, обложил народ данью и разорял его, – а когда народ восстал, Александр с ужасающей жестокостью убивал русских людей.

В Орде его принимал, как родного брата, хан Батый. Александр был даже лицом похож на монгола и имел соответственное сложение тела. Одна его бабушка была из осетин (народность Кавказа. Э.Ф.), другая – азиаткой-половчанкой. На погребальном покрывале Александра Невского, на котором его лицо было списано с натуры, он имеет явно выраженные монголоидные черты и узкую бородку, как у хана Батыя. Так что не случайно монголы считали Александра «своим».

Но в пропагандистском фильме об Александре Невском, снятом при Сталине, роль Александра сыграл актер Николай Черкасов, высокого роста, с типично русскими чертами лица. Таким же Александр Невский изображен на картине Корины, официального художника сталинской эпохи. Мы видим здесь прямое продолжение самодержавной православной традиции, когда Святой Благоверный князь Александр Невский изображался как идеал русского человека во всех отношениях.

Кстати, воссоздать истинный облик этого князя по его останкам не представляется возможным, – сказала Елена, – поскольку мощи Александра сгорели во время пожара 1491 года во Владимире, – правда, потом они чудесным образом были вновь обретены. Позже они были перенесены в Петербург по личному приказу Петра Великого, а гробницу для них изготовила из чистого серебра императрица Елизавета, дочь Петра. Ведь деяния князя Александра как нельзя лучше соответствовали официальной идеологии – монгольские порядки всегда были милее для русской власти, чем западные: забвение прав человека, пренебрежение человеческой личностью во имя неких высших государственных интересов – это так характерно для России.

Вы подумайте, во что превратится вся история России, если хоть на одну минуточку предположить, что союз с Западом, вхождение в число западных стран было бы полезнее для русских, чем союз с Востоком! – горячо сказала Елена. – Выходит, русские правители веками запугивали свой народ западной угрозой, дабы править, подобно восточным деспотам, без

закона, по собственному произволу. Нет, наши «патриоты» считают по-другому: по их мнению, вся деятельность Святого Благоверного князя Александра Невского была возвышенна, благородна, преисполнена любовью к Отечеству. Скрепя сердце, он укрепил отношения с Ордой, видя в ней щит от злонамеренных притязаний западных владык. Таким образом он сохранил на Руси священную православную веру и заложил основы дальнейшей политики русских князей, которая привела с течением времени к возвышению Москвы, объединению вокруг нее русских земель и созданию великой российской державы.

Вот выдержка из одной из недавних работ на эту тему: «Земные подвиги князя Александра снискали ему признание Отца нашего Небесного: после кончины Александра мощи его были обретены нетленными, и Православная Церковь причислила его к лику святых. Чудеса, которые случаются около его гробницы, свидетельствуют о том, что и на небесах Святой Благоверный князь Александр Невский остается таким же хранителем российского народа, каким он был при своей жизни», – с горькой улыбкой закончила Елена свой темпераментный рассказ.

* * *

– Вы саркастически отзываетесь о патриотах, – заметил я. – Но почему? Разве патриотизм – это плохо? Любовь к своей Родине – это так естественно.

– Дидро говорил: «Нельзя любить свою Родину, если она не любит тебя», – живо возразила она. – А наш великий мыслитель Чаадаев сказал: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я предпочитаю бичевать ее, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы не обманывать». Лев Толстой писал о таком обмане, когда патриотизм используют власти, чтобы прикрыть свое безобразие: «Исключительная любовь к своей стране и необходимость жертвовать во имя нее своим спокойствием, имуществом и даже жизнью должны быть отвергнуты... Люди должны понять, что чувство превосходства своей страны есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное – безнравственное. Грубое чувство потому, что оно свойственно только людям, стоящим на самой низкой ступени нравственности, ожидающим от других народов тех самых насилий, которые они сами готовы нанести им; вредное чувство потому, что оно нарушает выгодные и радостные мирные отношения с другими народами; постыдное чувство потому, что оно обращает человека не только в раба, но в бойцового петуха, который губит свои силы и жизнь на потеху своим хозяевам; чувство безнравственное потому, что, вместо признания себя сыном Бога и высшим созданием, как учит нас вера, – всякий человек, под влиянием чувства превосходства своей страны, признает себя рабом этой страны и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести». Толстой любил повторять фразу одного англичанина: «Патриотизм – это последнее прибежище негодяев»...

– Эту фразу произнес доктор Самуэль Джонсон, а опубликована она была Джеймсом Босуэллом в жизнеописании Джонсона, – вставил я.

Елена кивнула:

– Да, это так. Между прочим Джонсон произнес ее, когда североамериканские колонии приготовились к бунту против Англии, и в ней на всех перекрестках кричали, что нельзя дать независимость Америке, – это, де, непатриотично. Толстой повторял эту фразу применительно к современным ему российским негодяям, которые лихорадочно искали, где бы им укрыться от народного гнева, и находили это убежище в словах о любви к России, то есть в патриотизме. Толстой безжалостно срывал с них маску и показывал их отвратительную личину.

Так у нас и сейчас: главные защитники нынешней России, – те, кто громче всех кричат о патриотизме и национальных интересах, – это бездарные правители, казнокрады, взяточ-

ники, лжецы и лицемеры, – и под стать им новоявленные богачи, нажившиеся на народной нищете. Для них жизненно важно сохранить нынешнюю Россию, и они будут остервенело защищать ее, – покрасневшись от гнева, выпалила Елена.

Я не решился ничего ей возразить...

Московское царство

Продолжим исторический очерк. Политику Александра Невского восприняли его потомки, самым успешными среди которых были князья, обосновавшиеся в Москве. Вновь предоставим слово Борису Кагарлицкому («Периферийная империя»):

«Ханский сборщик податей – баскак – стал прообразом российского чиновника. В первую очередь, как признает Карамзин, татарские дани обогатили Москву, выступавшую фискальным посредником между Ордой и другими русскими княжествами: «Иго татар обогатило казну великокняжескую исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростью князей обращенными в собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после – мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако же платил...»

Финансовые услуги, предоставлявшиеся московским князем Иваном Калитой ордынскому хану, позволили ему не только накопить изрядное состояние, но фактически скупить земли более бедных правителей. Понятно, что в глазах историков Иван Калита предстает коллаборационистом и фактически предателем, тем более что его донос погубил князя Александра Тверского, пытавшегося поднять народ на борьбу с татарами». Впрочем, московские князья, усилившись, уже не желали делить власть с кем бы то ни было, и если раньше они подавляли выступления против татар, то теперь сами возглавили подобные выступления. Московский князь Дмитрий бросил открытый вызов Орде, а когда хан Мамай повел на Москву огромное войско (в 1380 году), русские войска под командованием Дмитрия разгромили татар в верхнем течении Дона. Воспрянувшие духом русские увидели в этом князе своего спасителя, они сплотились вокруг Дмитрия в едином патриотическом порыве, но, увы, через два года он фактически предал их: когда войско нового ордынского хана Тохтамыша подступил к Москве, князь Дмитрий бежал из города, оставив его жителей на растерзание татарам. Москва была сожжена, ее население уничтожено, а «образумившийся» Дмитрий изъявил свою покорность Орде и признал все прежние условия вассальной зависимости.

Окончательное освобождение от ига пришло лишь через сто лет: Орда к этому времени распалась, а Московское государство, напротив, усилилось; тогда Иван III, правнук Дмитрия, провозгласил себя «царем» (официально этот титул принял его внук Иван IV Грозный) и «государем всей Руси». В короткий срок он сделался правителем громадного государства, превосходившего по размерам Францию. Но власть в России сильно отличалась от европейской – русская власть переняла самые худшие черты азиатской деспотии.

Разумеется, чудовищу российской государственности, этому Левиафану, терзающему Россию, были необходимы сакральные мотивы, оправдывающие его существование. «Чужие» и «хищники», со всех сторон окружающие страну и желающие ее гибели, являлись необходимым, но недостаточным условием. И тогда рождается мессианская идея об особом предназначении России в мире – не случайно рождение этой идеи совпало с рождением российского государства в деспотическом азиатском виде.

В XV веке монах Филофей из города Пскова создает теорию «Москва – Третий Рим», надолго ставшую идеологической базой государства в России. Вот как об этом писал Арнольд Тойнби («Война и цивилизация»):

«...Финалы универсальных государств свидетельствуют, что эти учреждения одержимы почти демоническим желанием жить, и если мы попробуем посмотреть на них не глазами сторонних наблюдателей, а как бы изнутри, глазами их собственных граждан, то обнаружим, что и сами граждане искренне желают, чтобы установленный миропорядок был вечным. Кроме того, они верят, что бессмертие институтов государства гарантировано...

Тому, кто удален от объекта наблюдения Временем или Пространством, чужое универсальное государство всегда представляется нетворческим и эфемерным. Но почему-то всегда получается так, что сами жители универсального государства неизбежно воспринимают свою страну не как пещеру в мрачной пустыне, а как землю обетованную, как цель исторического прогресса!

Это непонимание столь удивительно, что могло бы быть поставлено под сомнение, если бы не огромное количество свидетельств в пользу того, что, несмотря на всю свою парадоксальность, оно действительно существует, и очень многие становятся жертвами этой странной галлюцинации.

В качестве примера приведем универсальное государство в России во время правления Ивана III. Когда прозрачная тень возрожденной Римской империи – призрак призрака эллинского универсального государства – была, наконец, ликвидирована оттоманским завоеванием Константинополя в 1453 г., русская боковая ветвь православия в это время прилагала усилия, чтобы создать свое собственное универсальное государство. Установление русского универсального государства приходится на период с 1471 по 1479 г., когда Московский Великий князь Иван III (1462–1505) присоединил к Московскому княжеству Новгородскую республику.

Быстрая смена событий в основной области православия и его русской боковой ветви, драматический контраст между падением Константинополя и триумфом Москвы произвели глубокое впечатление на воображение русских. Современный исследователь Н. Зернов пишет: «Расширение нации, рост империи – это обычный внешний признак внутреннего убеждения народа, что ему дана особая миссия, которую он должен выполнить. Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире невольно привело его народ к мысли, что он наделен миссией спасти восточное христианство». Следует сказать, что и другие православные князья до Ивана III жаждали получить знаки отличия Восточной Римской империи. Они не раз обращали свои жадные взоры в сторону Константинополя, но их постоянно постигали неудачи в их нетерпеливых и дерзких попытках.

Исторически сложилось так, что москвиты получили некоторое преимущество. В 1472 г. Великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего константинопольского императора Константина, и принял герб – двуглавого восточно-римского орла. В 1480 г. он сверг власть татарского хана и стал единолично править объединенными русскими землями. Его последователь Иван IV Грозный (1533–1584) короновал себя в 1547 г. и стал первым русским царем. В 1551 г. Собор русской православной церкви утвердил преимущества русской версии православия над другими. Во время правления царя Федора (1584–1589) митрополит Московский получил в 1589 г. титул Патриарха Всея Руси.

Так серия последовательных политических акций обеспечила русским более благоприятную ситуацию, чем та, в которой оказались их болгарские и сербские предшественники, конец которых был ничтожен. Русские не были узурпаторами, бросающими вызов живым владельцам титула. Они остались единственными наследниками. Таким образом, они не были отягощены внутренним чувством греха. Чувство того, что греки предали свое православие и за это были наказаны Богом, сильно отразилось на далекой русской церкви, где антилатинские настроения были очень сильны. Русским казалось, что если греки были отвергнуты Богом за Флорентийскую унию, мыслившуюся как измена православию, то сами они получили политическую независимость за преданность церкви. Русский народ оказался последним оплотом православной веры. Таким образом, он унаследовал права и обязанности Римской империи.

Русская вера в высокое предназначение России усиливалась библейскими и патристическими авторитетами. Мотив книги Даниила – четыре последовательных универсальных государства (Даниил 2, 27–49; 7, 1–28; 9, 24–27).

...Политическая миссия Третьего Рима никогда не сводилась к тому, чтобы спасти или реформировать Второй Рим. Она виделась в том, чтобы заменить его... Следствием идеи «Москва – Третий Рим» стало устойчивое убеждение русских в осознании ими своей судьбы, что Россия призвана быть последним оплотом, цитаделью православия». [Конец цитаты].

* * *

О русском православии следует поговорить отдельно. Оно считается основой основ России – без православия нет русского народа, без русского народа нет России, утверждают официозные историки. Со вторым утверждением никто не собирается спорить, но что касается первого, оно сомнительно. Тезис об исключительной роли православия в России издревле поддерживался прежде всего самой православной церковью. После раскола христианства на католичество и православие, католики становятся опаснейшими соперниками православного священства, и оно упорно настраивает против них народ. Обоснование, конечно, все то же: католическая церковь хочет погубить Россию, католики – злейшие враги русского народа.

И тут снова надо вспомнить об Александре Невском. Выбрав союз с Ордой, а не с Западом, взяв себе за образец азиатские порядки, он первым, пожалуй, из русских правителей категорически отказал католической церкви в праве на существование в России. Это решение стало одной из причин, по которой он был канонизирован православной церковью и объявлен Святым и Благоверным князем.

Между тем позволительно задать вопрос: а что случилось с другими славянскими государствами, принявшими католичество, действительно ли они погибли? Нет, мы этого не видим. Ближайший сосед России – Польша, приняв католичество, сделалась одним из самых сильных и развитых государств в Европе и оставалась таким восемьсот лет, вплоть до уничтожения польской независимости Россией, Австрией и Пруссией в конце XVIII века. Чехия, другая славянская страна, принявшая католичество, также являлась весьма значимым европейским государством на протяжении многих веков.

Почему же Россия, приняв католическую веру, непременно должна была погибнуть? Принятие католичества не гарантировало, естественно, для России мирные отношения с европейскими католическими странами, – единая вера не мешала европейским междоусобицам, – но католичество являлось тем фундаментом, на котором строилась европейская цивилизация, а ей суждено было в дальнейшем стать лидирующей в мире. Отказавшись от католичества, Россия сама себя выбросила из лона этой цивилизации, оставшись на задворках исторического прогресса.

Однако подобная изолированность прекрасно соответствовала интересам русского Левиафана. Мессианская идея в совокупности с «единственно правильной» религией, которую эта власть, по византийскому образцу, поддерживала и олицетворяла, давала русскому Левиафану карт-бланш на какие угодно действия.

Союз государства и православной церкви окончательно оформился под татарским игом. Борис Кагарлицкий так пишет об этом («Периферийная империя»):

«...Говорить о враждебности татарских ханов по отношению к христианству не приходится. Татарские ханы не только отличались веротерпимостью (точнее, индифферентностью к вопросам религии), но и прямо сотрудничали с православной церковью.

«Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россией было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений, – констати-

рует Карамзин. – Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церкви и ее служителям; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала к их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, предлагала гнев на милость к пастве».

Сотрудничество церковной верхушки с захватчиками осталось одним из наиболее позорных эпизодов в истории русского православия, а воспоминания о нем неизбежно подрывали претензии церкви на особую «национальную роль» в России. Задним числом идеологи официального православия оправдывались, объясняя, что никаких общих интересов у ханов и церковных иерархов не было, а татары поддерживали православие исключительно потому, что испытывали «суеверный страх перед неведомым Богом христиан». На самом деле, разумеется, ханы прекрасно представляли себе, что такое христианство – священники и миссионеры появились при их дворе уже в 50-е годы XIII века. Ханские грамоты представляли иммунитет церкви. В свою очередь, православные иерархи призывали свою паству молиться за ханов. «Союз православной церкви и татарского хана на первых порах был одинаково выгоден для обеих сторон, – пишет Покровский, – а что впоследствии он окажется выгоднее первой, чем последнему, этого татары не умели предусмотреть именно потому, что были слишком практическими политиками». [Конец цитаты].

* * *

Перейдя от союза с татарскими ханами к союзу с российскими правителями, православная церковь потребовала для себя защиты, а для всех, не согласных с ней – кары. В XVII веке в самом полном сборнике законов феодальной России – Соборном Уложении 1649 года – преступления против церкви и патриарха считались тягчайшими, ничего хуже быть не могло; все это рассматривалось как богохульство и каралось «квалифицированной казнью» – сожжением на костре, четвертованием, колесованием или сажанием на кол. Но и до этого православная церковь жестоко расправлялась со своими противниками; многие подобные эпизоды приведены в книге видного русского историка Ефима Грекулова «Православная инквизиция в России»:

«Православие было встречено русским народом без особого восторга. Киевлян крестили привезенные Владимиром из Крыма греческие священники. Как мы знаем из летописей, народ загоняли в реку, «как стадо», многие «не по любви, а из страха перед князем крестились». Таким же было крещение в Новгороде – там Добрыня, дядя Владимира, крестил непокорных новгородцев огнем и мечом. Бунты, сопровождающие распространение православия, были неосознанным протестом, – народ будто предчувствовал, во что его ввергают, какой гнет будет давить его на протяжении тысячи лет. Православные иерархи и князья сделались двумя личинами страшного Януса власти. Митрополит Никифор, автор послания к Владимиру Мономаху, писал: «Как Бог царствует на небесах, так и князья избраны от Бога».

Одно из первых упоминаний о жестокости церкви относится к XI веку, когда православию на Руси не исполнилось еще ста лет. Новгородского архиерея Луку, жившего тогда, летописец называет «звероядивым». «Сей мучитель, – говорит летописец, – резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям».

В XII веке «немилостивым мучителем» был владимирский епископ Федор. Он многих «еретиков» заключил в тюрьмы или казнил, а их имущество присвоил себе. Но после Федор сам был обвинен в еретичестве, и по приговору митрополичьего суда ему отрезали язык, отсекали правую руку и ослепили. Почти в то же время сожгли на костре некоего Мартина, который выступал против церковных злоупотреблений.

Татары, подчинившие себе Русь в тринадцатом веке, быстро поняли выгоды православия для собственной власти. По указу хана Менгу Темира, русским митрополитам было

предоставлено право наказывать смертью за хулу на православную церковь и за нарушение церковных привилегий. В церковной истории любят вспоминать, как Сергей Радонежский благословил князя Дмитрия на Куликовскую битву, но о тесном сотрудничестве церкви с Ордой предпочитают молчать.

После освобождения от ордынского ига в России окончательно восторжествовала византийская идея о нерушимом союзе церкви и государства: Москва была объявлена «Третьим Римом». Все, что противоречило догматическому православию, беспощадно душилось. В новгородской земле накануне ее вхождения в Московское царство возникло мощное движение, в чем-то напоминающее европейскую Реформацию. Русские протестанты назывались «стригольниками» по особой стрижке, которую они носили. Они отвергали прежде всего тиранию православной церкви, выступали против накопления ею богатств; нельзя служить двум Богам одновременно: Богу и Мамоне, – сказано в Евангелии. Несмотря на это ясное недвусмысленное правило, церковь осудила стригольников как еретиков. Их учение прозвали «прямой затеей сатаны», а самих стригольников – «злокозненными хулителями церкви», «развратителями христианской веры». Новгородские епископы настояли на том, чтобы руководителей ереси – дьякона Никиту, ремесленника Карпа и других – утопили в реке Волхов. Затем казнили остальных участников движения в Новгороде и Пскове.

Уничтожение стригольников одобрил и московский митрополит Фотий. В своих посланиях он благодарил псковичей за расправу над еретиками и просил применять все средства для их уничтожения. По примеру западных инквизиторов, о деятельности которых в России хорошо знали, Фотий советовал казнить еретиков «без пролития крови», во имя «спасения души» казненных. Это означало смерть на костре: послушные псковичи последовали советам московского митрополита – они переловили и сожгли стригольников, еще остававшихся на свободе.

Чуть позже в Новгороде и Москве появилось новое движение, отрицающее православные догмы. Его сторонники требовали уничтожения церковного землевладения, выступали против церковной знати, осуждая ее стяжательство. Для борьбы с ересью был созван церковный собор, который отлучил от церкви и предал проклятию участников этого движения и потребовал от власти их смерти. Одним из ярых гонителей еретиков был новгородский архиепископ Геннадий, прозванный современниками «кровожадным устрашителем преступников против церкви». Невзирая на ненависть к католикам, Геннадий был в восторге от испанских инквизиторов, особенно от великого инквизитора Торквемады, который за пятнадцать лет сжег на кострах и предал различным наказаниям многие тысячи человек. Настаивая на казни русских еретиков, Геннадий писал московскому митрополиту Зосиме: «Смотри, франки по своей вере какую крепость держат! Сказывал мне при проезде через Новгород посол цесарский про испанского короля, как он свою землю очистил, и я с тех речей список тебе послал». Геннадий советовал митрополиту Зосиме поставить деятельность испанских инквизиторов в пример царю Ивану Третьему.

Не ограничиваясь советами, Геннадий схватил новгородских еретиков и устроил им позорное шествие по городу. Их посадили в шутовской одежде на коней «хребтом к глазам конским», то есть задом наперед, а на головы им надели берестяные шлемы с надписью «Се есть сатанино воинство». Городские жители обязаны были плевать на еретиков и говорить: «Это враги божьи и христианские хулители». Затем на их головах были сожжены берестяные шлемы, после чего некоторых еретиков, как рассказывает летопись, сожгли на Духовском поле, а других посадили в темницу.

Вскоре главным борцом с ересями стал игумен подмосковного Волоколамского монастыря Иосиф Санин, провозглашенный православной церковью святым Иосифом Волоцким. Подобно новгородскому архиепископу, он восхищался деятельностью испанской инквизиции и переносил ее способы в Россию. В «огненных казнях» и тюрьмах Иосиф

видел «ревность» к православной вере. Он проповедовал, что руками палачей казнят еретиков сам «святой дух» и призывал всех «истинных христиан» «испытывать и искоренять лукавство еретическое», грозя строгим наказанием тем, кто «не свидетельствовал», то есть не доносил на еретиков. Одно лишь сомнение в законности сожжения противников церкви Иосиф считал «неправославным». Ни о какой свободе совести, ни о какой свободе слова нельзя было даже помыслить: жестокие русские законы, преследующие гражданские свободы, Иосиф называл «божественным писанием», подобным пророческим и апостольским книгам». [Конец цитаты].

* * *

Не ограничиваясь средними веками, Грекулов продолжает дальше свой рассказ о влиянии православия на жизнь в России. Мы приведем лишь некоторые выдержки из этого рассказа:

«...При Петре I был создан Приказ инквизиторских дел; выступление против православной церкви, критика ее догматов и обрядов рассматривались как «богохуление». «Хулители веры, – говорил Петр, – наносят стыд государству и не должны быть терпимы, поелику подрывают основание законов». Виновным выжигали язык раскаленным железом, а затем предавали смерти.

...В годы правления Екатерины II, «философа на троне», как ее называли льстецы, духовное ведомство всюду видело мятеж против церкви и настаивало на суровых мерах для искоренения «злых плевел». По поручению Синода (главный орган по управлению церковью в России, созданный Петром I) петербургский митрополит Гавриил представил свои соображения о том, как бороться с церковными противниками. Гавриил предложил виновных смирать прежде всего публично – одевать в позорную одежду и выставять как преступников на всеобщее осмеяние. Затем им следовало дать тридцать ударов плетью о двенадцати хвостах, выжечь каленым железом клеймо на лбу – буквы ЗБХ (злбный богохульник) и сослать навечно в каторгу, где использовать на самых тяжелых работах «вместо скотов». Жестокость этого наказания Гавриил объяснил тем, что отступление от православной церкви, безверие и богоотступничество являются заразой для государства.

Предложения митрополита нашли широкое применение. Так, например, на Волыни крестьянина Генриха Немирича обвиняли в том, что он «безбожный оскорбитель тела и крови Христовой». По настоянию церковников его предали суду, и суд вынес решение: «Отдать его под меч палача, предать тело четвертованию, а перед тем живцом вырвать язык и драть полосы из тела, затем все тело порубить на мелкие куски и раскидать по дорогам в пищу диким зверям».

...При Николае I в Севастополе двадцать солдат были осуждены за отход от православия. Часть солдат забили до смерти шпигрутенами, прогнав через строй в пятьсот человек, остальных поролли розгами.

...Православное духовенство насаждало неприязнь и вражду ко всему западному; на церковных соборах утверждались индексы запрещенных книг, – книги, признанные вредными, предлагалось сжигать на теле лиц, у которых они были обнаружены. Даже Академия наук не была свободна от бдительного контроля церкви. Священники проверяли издания Академии, выискивая в них места «сумнительные и противные христианским законам, правительству и добронравию». Особенную ненависть вызывал у церковников Ломоносов, – Святейший Синод требовал, чтобы произведения Ломоносова были сожжены, а сам он был отослан в монастырь «для увещания и исправления»!

Тогда же была публично сожжена книга Аничкова, профессора математики Московского университета, потому что митрополит Амвросий счел эту книгу «вредной и соблазни-

тельной». Другой профессор, Мельман, по доносу митрополита Платона был отстранен от преподавания и отправлен в Тайную канцелярию, где его подвергли пыткам.

Синод организовал еще особую духовную цензуру, которой были предоставлены самые широкие полномочия. Книги сжигали на кострах десятками: произведения Вольтера, Дидро, Руссо, Гольбаха летели в огонь. Не избежал этой участи и «Левиафан» Гоббса: обличения власти и церкви, которые там сделаны, стали причиной того, что она была признана «наивреднейшей» и тоже сожжена.

...Много неприятностей от церкви претерпел знаменитый историк, профессор Московского университета Грановский – на своих лекциях по истории в университете он, де, не упоминал о божественном промысле, критически отзывался о российском средневековье, а западному, наоборот, придает слишком большое значение. Писателю Загоскину пришлось основательно переделать свои романы, потому что московский митрополит Филарет нашел в его произведениях «смешение церковных и светских предметов». [Конец цитаты].

Как пишет Грекулов, по российским законам, действовавшим и в XIX веке, любого «опасного и вероломного насмешника», представляющего опасность для православной церкви, можно было поместить в Соловецкий монастырь на крайнем севере России. Это была, по сути, тюрьма для всех инакомыслящих (позже Сталин устроил в этом монастыре самую настоящую тюрьму для русской интеллигенции). В XIX веке для таких «насмешников» в монастыре было построено специальное здание. Там, в нижнем этаже, были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда часто помещали вольнодумцев, – без решения суда, в административном порядке. Стража и тюремные служители находились в полном подчинении архимандрита и содержали узников весьма сурово.

Некоторые из арестантов сходили с ума в этих каменных мешках, но бывало и так, что психически ненормальными объявляли совершенно здоровых людей. Ненормальность их заключалась лишь в том, что они выступили против власти и церкви.

* * *

Впрочем, мы слишком далеко ушли от Московского царства. Я снова обращаюсь к Елене, моему Вергилию, который ведет меня по кругам ада русской истории.

Прочитав написанное мною, она сказала:

– Самый точный диагноз дал союзу, а лучше сказать, симбиозу православной веры и государства Петр Чаадаев. Его считают у нас чуть ли не русофобом, а между тем это был человек, всей душой болевший за Россию. К тому же он храбро сражался против Наполеона в 1812 году, участвовал во многих сражениях – в отличие от тех критиков, кто ругает его в тихой тиши кабинетов, подвергая себя только одной опасности – нажать геморрой.

Чаадаев писал о том, что православие обрекло Россию на отсталость, на замкнутость в своем религиозном обособлении от европейских принципов жизни. В католичестве, а не в православии, было заложено объединяющее начало, которое создало западный мир, то есть его политический уклад, философию, науку, литературу, улучшило нравы, создало предпосылки для свободы личности.

Русская история оказалась заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, отличающимся злодеяниями и рабством. Самодержавие и православие – вот главные пороки русской жизни, ее темные, позорные пятна. «Мы – пробел в нравственном миропорядке, враждебный всякому истинному прогрессу, – говорил Чаадаев. – Раз уж Бог создал Россию, то как пример того, чего не должно быть: роль русского народа велика, но пока чисто отрицательная и состоит в том, чтобы своим прошедшим и настоящим преподать другим народам важный урок».

– Но ведь нельзя же отрицать, что русская культура богата выдающимися достижениями? – возразил я моей собеседнице.

– Вы видите то, что мы имеем, но не знаете, чего мы лишились, – ответила она. – Государство и церковь безжалостно отсекали все, что не вписывалось в прокрустово ложе официальной идеологии. Еще при Иване Грозном на Стоглавом соборе было заявлено, что все, не соответствующее духу православия, не должно существовать в России. Наши живопись, зодчество, литература должны были оставаться такими, как это было заведено «у наших отцов». В результате в Европе наступила эпоха Высокого Возрождения, а мы продолжали копировать древние византийские образцы. Только благодаря непостижимому искусству наших мастеров в России удавалось создавать шедевры даже в этих жестких рамках, но у нас в принципе не могло быть своих Леонардо, Рафаэля или Микеланджело. Им для творчества нужна была свобода, а в России ее не было и в помине. Русские мастера творили под гнетом власти и церкви, не смея рассчитывать на малую толику того уважения, которые имели их собратья по искусству в Европе. Печальная легенда гласит, что Барму и Постника, построивших храм Василия Блаженного на Красной площади, царь Иван Грозный приказал ослепить, дабы они не создали еще чего-нибудь столь же прекрасного. Если это выдумка, то правдоподобная, характерная для русской жизни. Вы можете представить себе Леонардо да Винчи, которому герцог Медичи выколол глаза, чтобы тот не написал вторую «Джоконду»?

Карл V, всемогущий император, чья власть простиралась почти на всю Европу, поднял кисть Тициана, когда тот уронил ее. Правитель, перед которым дрожали целые народы, перед которым сгибался мир, сам склонился перед художником, признавая, что настоящий талант выше власти! А у нас власть в лучшем случае оказывала снисходительное покровительство таланту, часто оскорбительное для него. Пушкину, нашему величайшему поэту, царь Николай I обещал, что сам будет его цензором, и проверял его работы, будто строгий учитель у нерадивого ученика.

Пушкин вообще числился в первых рядах вольнодумцев. Грекулов, чью книгу вы использовали, писал, как некий духовный пастырь сказал про Пушкина, что тот «нападает с опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии, этой узды, необходимой для всех народов, а особенно для русских». Другой пастырь соизволил заметить: «До Пушкина все наши лучшие писатели – Державин, Карамзин, Жуковский – были истинные христиане. С него же, наоборот, лучшие писатели стали прямо и открыто совращаться в язычество... Даровитейшие, самые модные из писателей взывают к общественному перевороту... Помолимся, – да сгонит господь эту тучу умственного омрачения, нагнанную отчасти и предосудительным примером поэта!» Рясеносных защитников алтаря и царского престола не останавливало даже то, что Пушкин прежде всего был русский поэт, его любовь к России не подлежит никакому сомнению.

Он ответил своим гонителям убийственным стихом:

...Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

– Что касается православия, то оно до сего дня не потеряло своей мракобесной сущности, – продолжала Елена. – Вам известно, конечно, что «православные активисты» набирают сейчас силу в России, они имеют все большее влияние на ее жизнь. Их действия становятся все более вызывающими и жестокими: с криками «Русь святая, храни веру православную!» эти «активисты» нападают на всех, кто, по их мнению, чем-либо оскорбляет «святую православную Русь». Никто не застрахован от таких нападений, им подвергаются как случайные

люди на улице, почему-то не понравившиеся «православным активистам», так и деятели науки и культуры, имеющие дерзость иметь свободный образ мысли. «Православные активисты» срывают спектакли, громят выставки, разбивают скульптуры, повреждают картины; выступают с прямыми угрозами в адрес своих противников.

Эти выходки очень редко получают со стороны властей квалификацию уголовных преступлений: в большинстве случаев «активистам» все сходит с рук. Создается ощущение, что власти выгодна поддержка православных молодчиков. Официальная церковь, на словах якобы осуждая их, на деле сама нагнетает обстановку своим заявлениями «об угрозах православию» и «российским традициям». Прямым следствием этого является рост соответствующих настроений в обществе – показательно, что когда известный у нас журналист и политик Леонид Гозман в своей передаче на радио дал возможность высказаться одному из самых одиозных «православных активистов», называющему себя «Энтео», то большинство слушателей поддержало «активиста». Гозман тогда сказал: «Меня крайне огорчает, что дикая, средневековая позиция, которая высказывалась сегодня нашим гостем, получила поддержку 56 процентов наших слушателей. Это заставляет тревожиться за будущее нашей страны».

А я, когда слушала эту передачу, вспомнила слова Спинозы: «Все религии – это предрассудки, которые превращают людей из разумных существ в скотов и которые будто нарочно придуманы для окончательного погашения света разума, так как совершенно препятствуют верующим пользоваться своим собственным суждением и отличать истину ото лжи»...

Что же нам делать, как не быть отброшенными назад в мрачное средневековье? – спросила Елена, и сама ответила на свой вопрос. – Чаадаев правильно сказал: «Русское общество, – по крайней мере, его образованная часть, – должно начать свое движение с того места, на котором оборвалась нить, связывающая Россию с западным миром».

Иван Грозный

Возвращаемся к историческому обзору. Иван IV Грозный (1530–1584) – знаковая фигура для России. При слове «царь» русские обычно вспоминают именно его. Он в самом деле первым официально венчался на царствование (в 1547 году) и олицетворял знаковые качества русского царя: грозную силу власти, ее божественный характер, безусловное подчинение ей и безжалостную расправу со всеми, кто осмеливался или мог осмелиться выступить против нее. При этом Иван Грозный вел бескомпромиссную борьбу с Западом и замирлял для России восточные страны: при нем Россия разгромила и присоединила к себе последние остатки Золотой Орды, татарского государства на Волге, и шагнула за Урал, начав присоединение Сибири.

Сама личность царя была необыкновенно колоритной: он не получил хорошего образования, потому что рано потерял отца и мать, а высшей русской аристократии («боярам»), занятой яростной борьбой за влияние при дворе, не было, в сущности, никакого дела до молодого Ивана. Недостаток образования он восполнял чтением, но оно было хаотичным и бессистемным: впоследствии историков поражала «каша», которая содержалась в его посланиях – в них были перемешаны, часто безо всякого смысла, ссылки на римских, греческих авторов, на библейских и мифических героев, а также на незначительные исторические персонажи, запавшие в голову Ивану только потому, видимо, что ему попала какая-то случайная книга о них.

Развитый не по годам Иван разделял, однако, дикие суеверия, свойственные этому времени: вера в колдунов, в духов, привидения, в порчу и черную магию удивительным образом сочеталась у него с православием.

Он был подозрительным, мнительным и патологически жестоким правителем. Даже в этот жестокий век жестокость царя Ивана ужасала современников. Сам он оправдывался тем, что является хранителем «святой Руси» и истинной православной веры; он считал себя наместником Бога на земле, и как Бог может по своей воле миловать или казнить своих рабов, то есть весь род человеческий, так и царь может распоряжаться жизнью своих подданных. Иван прямо писал об этом в письме к князю Курбскому, когда-то своему другу и ближайшему советнику, бежавшему потом от жестокости царя в Литву: «Жаловать мы своих холопов вольны, а и казнить вольны же». Под «холопами», то есть домашними рабами, понимались все жители государства. А «православная пресветлость», пишет царь, состоит в том, чтобы «царство свое в своей руке держать, а рабам своим не давать властвовать».

За годы правления Ивана Грозного в России было убито (главным образом, зверски казнено) одной только высшей аристократии около 4 000 человек. Царь аккуратно заносил их в свой поминальный список («синодик»), чтобы помолиться за них, но люди низшего сословия этой чести не удостоивались – как типичный представитель феодальной эпохи, царь Иван считал низшее сословие «подлым», не достойным упоминания. Даже имена дворян не всегда упоминались царем в его «синодике» – часто там было написано, что истреблено «великое число» мужчин, женщин и детей, а имена их «ты, Господи, знаешь». Впрочем, личная гвардия царя – «опричники» – были более пунктуальны и в своих отчетах царю сообщали, сколько людей из низшего сословия уничтожили. Так, при разгроме города Новгорода (в 1570 году), где царь заподозрил измену, в одном лишь из отчетов опричников, составленным главным царским палачом Малютой Скуратовым, значатся 1490 человек, а всего в Новгороде погибло, по разным оценкам, от 4–5 тысяч (по данным историка Руслана Скрынникова) до 10–15 тысяч человек (по данным историка Владимира Кобринина) – и это при общем количестве населения города в 30 тысяч человек!

Впрочем, опричники убивали не только жителей собственно Новгорода, но и всей новгородской земли, разъехавшись на 200–300 миль по ее окрестностям. Русская летопись, приводимая в книге «Повесть о походе Ивана IV на Новгород» (Москва, 1969) сообщает, что царь Иван велел обливать новгородцев зажигательной смесью и затем, обгорелых и еще живых, сбрасывать в реку Волхов; иных перед утоплением волочили за санями; «а жен их, и мужского, и женского пола младенцев» он повелел вязать по рукам и ногам, «младенцев к матерям своим», и «с великой высоты метать их в воду». Кроме того, царь устроил в Новгороде настоящий ад, каким он описан в церковных преданиях, – людей жарили в раскаленной муке, заживо варили в котлах, резали на части. Новгородский летописец рассказывает, что были дни, когда число убитых достигало полутора тысяч; а дни, в которые избивалось 500 – 600 человек, считались счастливыми.

Общее число жертв жестокого царя неизвестно, но все современники единодушны в том, что после Ивана Грозного русская земля «сильно запустела». Не случайно русские с запредельным ужасом проходили мимо места его захоронения в Архангельском соборе Московского Кремля; они крестились и просили Бога, чтобы царь Иван не воскрес.

* * *

Первым подробный анализ правления Ивана Грозного провел «отец русской истории» Николай Карамзин. По своим убеждениям он был убежденным монархистом: по его мнению, Иван Грозный стал тем испытанием для России, которое должно было проверить на прочность приверженность народа к самодержавию и православию. Вот как Карамзин пишет об этом в своем обширном исследовании «История Государства Российского»:

«Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверх бедствий Удельной системы, сверх ига Моголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: [Россия] устояла с любовью к самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву, и землетрясение, и тиранов; не преломила железного скипетра в руках Ивановых и двадцать четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением...

В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как греки в Фермопилах за отечество, за Веру и Верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иванову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею (сейчас эту традицию подхватили российские апологеты Ивана Грозного, но об этом позже. – Э.Ф.): сии заговоры существовали единственно в смутном уме Царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа Слободы Александровской, если бы замыслили измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровью агнцев и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умиленного воспоминания от современников и потомства!..

Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его История всегда полезна, для Государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели и слава времени, когда вооруженный истиною писатель может, в правлении Самодержавном, выставить на позор такого Властителя, да не будет уже впредь ему подобных! Могилы бесчувственны; но живые страшатся вечного проклятия в Истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои иступления.

...Если иго Батыево унизило дух Россиян, то без сомнения не возвысило его и царствование Иваново».

В конце XIX века Василий Ключевский, являющийся признанным классиком русской исторической науки, так писал об Иване Грозном («Исторические портреты»):

«Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей... Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского приветя, Иван рано усвоил себе привычку ходить, оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с годами превратилась в глубокое недоверие к людям.

Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с годами развилась склонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную склонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которую, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения...

По природе или воспитанию он был лишен устойчивого нравственного равновесия и, при малейшем житейском затруднении, охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. В 1577 г. на улице в завоеванном ливонском городе Кокенгаузене он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: «Поди ты к черту со своим Лютером».

В другое время он велел изрубить присланного ему из Персии слона, не хотевшего стать перед ним на колена. Ему не доставало внутреннего, природного благородства. Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым впечатлениям. Он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества. В каждом встречном он прежде всего видел врага...

Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное влияние на его политический образ действий, испортил его.

Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка. Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени...» [Конец цитаты].

* * *

Развернутый психологический портрет Ивана Грозного составил Павел Ковалевский – русский психолог, психиатр, историк, публицист и общественный деятель. В своем исследовании «Иоанн Грозный» он, в частности, отмечал:

«Этот от природы нервно неустойчивый, впечатлительный и раздражительный человек, унаследовавший жестокость и бессердечие от своих предков, постепенно развивал в себе жестокосердие и кровожадность: сначала на животных, потом на низшем классе людей и, наконец, на боярах и вельможах. И что ужаснее всего, так это то, что на все эти ужасы наталкивали его приближенные. Они не только будили в царе присущего ему от рождения

зверя, а поселяли и развивали в нем нового зверя. Они не только будили лежащую в глубине его души кровожадность, но и возбуждали полное презрение к людям и воззрение на людей, как на материал для кровожадной забавы и излияния своей злобы и мести.

В юные годы молодой царь, видимо, отличался крайнею неустойчивостью характера, жаждою новых впечатлений и неудержимым стремлением к изменению образа жизни и перемены обстановки. Царь-отрок постоянно ездил по разным областям своей державы, не с целью изучения нужд государства и чинения правосудия, а для забавы звериной охотой. Так он был с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем во Владимире, Можайске, Волочке, Ряжске, Твери, Новгороде, Пскове, где, окруженный сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слышал стенаний бедности; он оставлял за собою слезы, жалобы, новую бедность, ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров.

Знаменитый наш историк С. Соловьев говорит так: «Окруженный людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своей борьбе не щадили друг друга, позволяли себе в его глазах насильственные поступки, Иоанн привык не обращать внимания на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека...»

...Как наследственник болезненной нервной системы Иоанн еще с детства должен был проявлять черты характера, свойственные этим лицам. В нем рано проявились: замкнутость в себе, сосредоточенность, скрытность, усиленная наблюдательность ко всему окружающему (Ключевский говорит по этому поводу: «Иоанн усвоил себе привычку ходить, оглядываясь и прислушиваясь»), недоверие, подозрительность, крайняя неустойчивость и переходы от одного состояния к другому, отсутствие крепкой привязанности, резкая раздражительность, еще более резкая вспыльчивость, чрезмерное самолюбие и самомнение, трусость и выжидательность, отсутствие прочной любви и привязанности, хитрость, жестокость, чувственная разнузданность, безмерная злость и кровожадность.

Большую роль в жизни Ивана играли придуманные им самим и для самого себя фантазии... Лица с неустойчивою нервною системою и дегенераты имеют ту особенность, что подобные фантастические рассказы они не только принимают за факты, но и относят эти рассказы к своей собственной личности. У этих людей, если позволительно так сказать, нет чувства действительности, и они лишены способности полагать грань между правдою и вымыслом, между возможным и фантазией. Мало того, нередко они сами измышляют какую-либо фантастическую историю и затем настолько глубоко бывают убеждены в ее правдивости и действительности, что готовы за нее положить голову на плаху.

Чрезвычайно метко охарактеризовал Иоанна К.С. Аксаков: «Натура Иоанна влекла его от образа к образу, от картины к картине, и эти картины любил он осуществлять себе в жизни. То представлялась ему площадь, полная присланных от всей земли представителей, и царь, сидящий торжественно под осенением крестов на лобном месте и говорящий народу речь. То представлялось ему торжественное собрание духовенства, и опять царь посредине, предлагающий вопросы. То являлась ему площадь, установленная орудиями пытки, страшное проявление царского гнева, гром, губящий народы... и вот ужасы казней Московских, ужасы Новгорода... То являлся перед ним монастырь, черные одежды, посты, покаяние, труды и земные поклоны, картина царского смирения, увлеченный ею, он обращал и себя, и опричников в отшельников, а дворец свой – в обитель»...

«Он любил показывать себя, говорит Карамзин, царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл милостями и опалами; умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы показать свою независимость...»

Внимал ли венчанный царь столам своего народа? Принял ли он царство, как пастырь принимает стадо? Отнесся ли он милостиво и внимательно к своим подданным? Захотел ли он венчанием показать своим боярам, что отныне он есть отец Отечеству?.. Увы, это только была игра в царство...

Почти все историки высказывают тот взгляд, что Иоанн Грозный обладал недюжинным умом и твердым характером. На наш взгляд, ум Иоанна Грозного был не выше среднего уровня, а характер у него вовсе отсутствовал.

Во всем царствовании Иоанна мы не видим ни одной определенной мысли, которою бы он руководился, ни одного прочного убеждения, ни одного твердого правила. Это был ум крайне поверхностный, неустойчивый и неопределенный. Одну минуту он думал одно, другую другое, а третью третье. Он не имел своих убеждений, а поступал так, как ему внушали другие. Узкий и недальновидный во взглядах, он не замечал, как ему окружающие внушали. Болезненно самолюбивый и любивший фигурировать, он охотно выдавал чужие мысли за свои. Гордый и строптивый, он радостно приводил в исполнение чужие внушения, принимая их за свои.

В его душе не было ни Бога, ни любви к родителям, ни любви к детям, ни любви к ближним, ни любви к Родине. По существу, он был ханжа: днем – нигилист, а ночью – молящий Бога о спасении до завтра. Отец – в черном клобуке убивающий своего сына. Престарелый человек – пред смертным одром заигрывающий со своей невесткой. Царь – ищущий жительство в Англии. Отец Отечества – выжигающий целые города дотла. Во всем его характере масса противоречий, неустойчивости, несостоятельности и несамостоятельности.

Любопытно желание Иоанна примирить свои бесчеловечные жестокости с религиозною трусливостью и ханжеством. Желая себя обелить то в собственных глазах, то в глазах своих подданных, он изыскивал различные оправдания на этот счет. Так, раз он объяснял свои лютости правосудием, объявляя, что бояре злоумышляли против него, а следовательно, и против Церкви, и против Христа – и были изменниками веры и Отечеству. Другой раз он смиренно каялся и винился пред Богом и людьми, называя себя гнусным убийцею невинных, и утешал себя тем, что он посылал по церквям даяния на поминание умерших. Вместе с сим он надеялся со временем отмолить свои грехи, когда он оставит государство, поступит в мирную Кирилло-Белозерскую обитель и сподобится чина ангельского. Разумеется, это раскаяние имело чисто формальный характер, принимая вид обмана людей, самообмана, а может быть, и попытки обмана Высшего Существа...

Не можем не упомянуть о том, что произошли резкие перемены во внешнем виде Иоанна. Прежде высокий, стройный, крепкий, мощный и цветущий, он резко изменился. Он неузнаваемо постарел, подряхлел и осунулся. На лице выразилась мрачная свирепость. Взгляд угас; а на голове и бороде не осталось почти ни одного волоса... Вероятным кажется предположение Костомарова, что такой перемене в его организме много содействовала его развратная жизнь и неумеренность во всех чувственных наслаждениях. Принимая во внимание его предсмертную болезнь, невольно напрашивается предположение, что в данном случае имели влияние не только нравственная разнузданность, содомский грех, бессонные ночи, разгул и разврат, но и последствия всех сих деяний с сопряженными с ними болезнями.

Терзаемый подозрением, бредом преследования и тесно связанными с ними болезненными образами своей фантазии и воображения, Иоанн искал утешения своим мукам в религиозной обрядности. Всю свою жизнь и обстановку он расположил соответственно своему болезненно религиозному настроению. Самый свой дворец он обратил в монастырь, опричников – в монахов, а себя произвел в игумены. Игумен окружил себя братиею из самых злейших опричников в 300 человек. Вяземского он сделал келарем, Малюту Скуратова – параклисиархом. Всю эту братию Иоанн одел в тафьи или скуфейки и черные рясы, под коими были прикрыты расшитые золотом блестящие кафтаны с собольей опушкой. У седел этой

братии, при царских выездах по государству, висели метла и собачьи головы как символ того, что они призваны мести Россию от сора и грызть царских лиходеев.

Смесь аскетизма и строгой религиозности и кровожадного зверства дополнялась безнравственной половой необузданностью. Так, царь часто приказывал силою приводить к себе чужих жен, обесчестив которых, отдавал на поругание опричникам, а затем возвращал мужьям. Иногда, опасаясь, чтобы муж не вздумал мстить за это безобразие, царь приказывал мужей умерщвлять, в некоторых случаях он не брезгал и издевательствами над опозоренными мужьями. Так, передают, что в одном случае Иоанн приказал изнасилованную жену повесить над порогом дома мужа и оставить труп в таком положении две недели, в другой же раз повешена была жена над обеденным столом своего мужа... Чиновник Мясоед имел красивую жену. Ее схватили, обесчестили, повесили пред глазами мужа, а затем отрубили голову и ему.

Мучениям и истязаниям, придумываемым Иоанном для своих подданных, не было конца. Для этого их ставили на раскаленные проволоки, сажали на особо для этого устроенные печи, мучили железными клещами, острыми ногтями и длинными иглами, разрезывали по суставам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали из спины ремни и т. п. Святая инквизиция могла бы смело поднести ему премию за изобретательность.

...Жажда крови усиливалась в Иоанне. Его рассудок все более и более затемнялся (Костомаров). Постоянный ужас и боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что вокруг него множество врагов и изменников, а отыскать их он не в силах. Он готов был то истреблять поголовно чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим опричникам он не верил. Он их ненавидел, и уже близок был и их конец. В это время Иоанн приблизил к себе лекаря Бомелия. Хитрый голландец поддерживал в Иоанне страх астрологическими суевериями, предрекая бунты и измены. Он же внушил Иоанну мысль – искать у английской королевы Елизаветы пристанища на случай бегства из России во время бунта и мятежа. Иоанн писал Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, злоумышляют с его врагами и хотят истребить его со всем семейством. На эту просьбу Елизавета отвечала полной готовностью служить Иоанну». [Конец цитаты].

* * *

Здесь надо отметить, что, к прискорбию апологетов Ивана Грозного, видящих в нем настоящего русского православного царя, он действительно готовил себе побег из России в Англию и просил убежища у Елизаветы I. Все царские сокровища были вывезены в город Вологду, откуда их легко было доставить в город Архангельск, главный форпост английской Московской компании в России. В случае опасности царь мог сесть тут на английский корабль и покинуть свою страну.

Вообще торговля с англичанами была для Ивана Грозного столь важна, что заниматься этими делами он приказал боярину Борису Годунову, – восходящей звезде кремлевской администрации. Англичане называли Годунова на свой манер «протектором». Как пишет Борис Кагарлицкий, царь Иван покровительствовал иностранцам настолько, что в этом было «много оскорбительного для его подданных, которых он охотно принижал перед чужеземцами».

Особым влиянием при дворе царя пользовался английский астролог, известный в Москве как Елисей Бомелий. Помимо предсказания будущего, он выполнял и более практические задания правителя: готовил ему яды, собирал сведения о подозреваемых в измене боярах. Как писали современники, проклятый «Елисейка» мог приготовить такой яд, который убивал царских недругов точно в назначенный день и час. Царю Ивану от этого была большая радость: ему было любо смотреть, как его враг с довольным видом сидит за пир-

шественным столом и не знает, что скоро будет корчиться в страшных муках. Были у «Елисейки» и яды иного действия: кто-то из отведавших их переставал узнавать родных, становился буйным и мог напасть на близкого человека – так погиб, например, отважный полководец («воевода») Василий Прозоровский, внезапно убитый на царском пиру своим обезумевшим братом Николаем. Были и такие, кто напрочь забывали свое имя и происхождение, теряли рассудок и превращались в слабоумных, – помимо того, что они переставали представлять опасность для царя, его немало забавляло их поведение.

Бомелий был способен не только предать человека неминуемой смерти, но и спасти от нее. Однажды он спас любимого царского шута Осипа Гвоздева, имевшего неосторожность отпустить колкую остроту насчет Ивана. Несмотря на свое расположение к нему, царь выплеснул в лицо Осипу миску горячих щей, а после ударил его кинжалом. К корчившемуся в луже собственной крови шуту подбежал Бомелий, который напоил его чудодейственным снадобьем. Осип сразу заснул и спал долго, а после того, как проснулся, быстро выздоровел.

Бомелий удачно лечил и самого царя Ивана, который после смерти первой и любимой жены Анастасии сделался «зело прелюбодейственен и яр» – хвастаясь тем, что растлил тысячу дев и лично душил своих незаконнорожденных детей, Иван не оставлял вниманием и смазливых юношей. К такому же образу жизни он приучил своего старшего сына, тоже Ивана, – хотя они часто ссорились, но вместе участвовали в буйных оргиях, меняясь любовницами и любовниками. Между тем в Россию в это время уже была занесена «французская болезнь» – сифилис. Он так широко распространился, что в «Домострое», главной книге русского быта, ему отвели особое место среди прочих болезней, описывая способы приготовления мазей от сифилисных «нарывов и болячек». Царь Иван и его старший сын тяжело страдали от этой болезни, и Бомелий лечил их с помощью ртутных притираний и сулемы. Такими же мазями он растирал больные суставы царя, чем приносил ему облегчение.

Бомелий был сведущ и в астрологии. Один историк писал об этом так: «Почти каждую ночь, чтобы наблюдать небесные светила, он поднимался на колокольню кремлевской церкви Иоанна Лествичника (позже перестроенную и ставшую известной как «Иван Великий»). Царь Иван, прочитавший немало астрологических трактатов, нередко составлял компанию Бомелию во время этих наблюдений и тут же решал судьбу несчастных, чьи звезды складывались в опасную для Ивана комбинацию. Мирные московские жители, едва заметив на площадке колокольни темные силуэты, в панике шептались: «Опять Елисейка с царем колдуют!» – и запирались на все замки в надежде, что минует их злая чаша царской немилости».

Но скоро закатилась и счастливая звезда «Елисейки»: царь заподозрил его в измене. Перед этим Бомелий сделал предсказание, вызвавшее сильное раздражение царя Ивана. Когда царь в очередной раз потребовал предсказаний о будущем своего рода, Бомелий запросил ответ у волшебного хрустального шара. Тот поведал, что вторая жена царевича Ивана, испугавшись лютой свекра, родит раньше времени и умрет вместе с младенцем; что вслед за ней умрет сам царевич Иван; что средний сын Федор скончается рано, не оставив наследника, а младший сын Дмитрий погибнет, не дожив до совершеннолетия.

Разъяренный царь Иван швырнул в голову недавнего любимца тяжелый серебряный кубок. Бомелий остался жив, хотя удар мог стать роковым, но судьба, с которой «Елисейка» так долго играл, не сулила ему легкой смерти и тем более спасения. Через короткое время он был обвинен в предательстве, заключен в темницу и подвергнут пыткам. Руки и ноги Бомелия были вывернуты из суставов, а спина и все тело изрезаны проволочным кнутом. За пыткой наблюдал царевич Иван, а порой он сам заменял палача.

«Елисейка» признался не только во всем, в чем его обвиняли, но и во многом таком, о чем его даже не спрашивали. Когда царю доложили о признаниях Бомелия, он приказал зажарить его живьем. Бывшего лекаря привязали к деревянному шесту, выпустили кровь,

дабы она не закипела от жара, и муки казнимого не прервались раньше времени, а потом зажгли огонь и поджаривали до тех пор, пока Бомелий подавал признаки жизни. Затем его бросили в сани и повезли в Кремль показать царю; тут Бомелий внезапно открыл глаза и проклял Ивана, после чего испустил дух.

Проклятье ли стало тому причиной, или болезнь, разъедавшая тело царя, но Иван прожил после этого недолго. Как и предсказал Бомелий, царевич Иван умер еще до отца, став жертвой его бешеного нрава. Царю не понравилось, что жена Ивана вышла неодетая в горницу, и он избил ее; досталось и царевичу, пытавшемуся вступить за жену. В результате побоев и потрясения она скинула ребенка и умерла; царевич Иван также скончался.

* * *

В последний год своей жизни царь выглядел страшно. Николай Карамзин писал: «В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость, все черты исказились, взор угас, на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса».

«Мы видели жизнь Иванову: увидим конец ее, – продолжает Карамзин, – страшный для воображения: ибо тиран умер, как жил губя людей, хотя в современных преданиях и не именуются его последние жертвы. Можно ли верить бессмертию и не ужаснуться такой смерти?.. Всегдашний трепет гнева и боязни, угрызение совести без раскаяния, гнусные восторги сластолюбия мерзостного, мука стыда, злоба бессильная в неудачах оружия, наконец, адская казнь сыноубийства истощили меру сил Ивановых...»

Павел Ковалевский пишет:

«Пьянство, разврат, бесконечные оргии, распутная жизнь, душевная болезнь и связанные с нею душевные терзания, – все это не могло не отозваться на Иоанне и не расшатать его здоровья. А между тем оно становилось все хуже и хуже. У него явилась болезнь: какое-то гниение внутри, и от него исходил отвратительный и смрадный запах. Грехи опричнины и содомии дали себя знать... Иностранные врачи усердно лечили Иоанна. Еще усерднее он раздавал милостыни по монастырям на поминовение о здравии болящего царя. Вместе с сим он не брезгал другою рукою раздавать милости волхвам и чародеям.... В это время на небе явилась новая комета. Царь долго смотрел на нее и наконец заявил: «Се знамение моей смерти». И он был прав.

А между тем болезнь усиливалась. Вся внутренность начала гнить, а тело пухнуть. Днем мучился царь физическими немощами, ночью его преследовали видения. Враги и злоумышленники были всюду вокруг царя. Он их страшился, он их трепетал. А тут еще казненные им жертвы восстали из гробов и требовали ответа от немощного царя... Кто может описать ужас такой ночи больного человека?.. Где найдутся силы и мощь вынести сообщество костяных мертвецов, требующих от убийцы отмщения за их мучения, истязания и смерть... Астрологи предсказали Иоанну скорую смерть, но он приказал им молчать, угрожая в противном случае всех их сжечь в доме живьем.

И вот измученный, изнуренный и ожидающий смерти царь находит себе развлечение и утешение в рассматривании своих сокровищ и драгоценных камней и толкования их значения.... летописи передают невероятный и потрясающий факт о безграничном нравственном разврате Иоанна. К разбитому, угнетенному, страждущему и умирающему Иоанну явилась супруга его сына Федора навестить немощного отца. И этот находящийся на смертном одре и заживо разлагающийся царь и отец не погнушался обратиться с похотливым вождением к жене своего сына и наследника престола.... Несчастная невестка с омерзением должна была бежать от сладострастного бесстыдства тестя... Обманутый, разозленный и сконфуженный

Иоанн приказал казнить всех благородных свидетелей этого последнего своего позора, а сына убеждал развестись с распутной женой и вступить в новый брак».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.